

БЫЛО ЛИ ПРЕЖНЕЕ РАДИО ИСКУССТВОМ?

Борис Павлович ЛЯШЕНКО, человек сам по себе замечательный и замечательной профессии — диктор радио, сейчас литературный консультант на радиостанции «Маяк». Да нет, что значит — консультант? Можно сказать, один из немногих, как сейчас выражаются, носителей языка. Русского. Интервью с Борисом Павловичем было опубликовано в «России» 24 апреля этого года. После публикации наша редакция впала в коллективную закомплексованность. А само интервью многие вырезали и положили на полку со словарями. Прекрасный рассказчик, отдавший своей работе полвека жизни, Борис Павлович был знаком и дружил с выдающимися людьми, работавшими на Всесоюзном радио. Эта его статья о тех, кто создавал в эфире настоящие произведения искусства.

Несмотря на старость, я, к счастью, не заикнулся на тоске по идейным и прочим «Прелестям» прошлого. У меня, например, в прошлом была одна настоящая прелесть — молодость. А молодость — это желание, несмотря ни на что, жить и надеяться.

Впрочем, вы и сами знаете, что такое в молодости — жить...

Но, разумеется, настает миг, когда все остается в прошлом и приходится подводить хотя бы приблизительные итоги. У меня получается, округленно говоря, такая картина: в какой-то из юных дней начал робко мечтать, потом дозрел до хотения, стал добиваться, добился, отдал этому жизнь и теперь, чувствуя себя как лошадь, доскакавшая-таки до финиша, оглядываюсь назад. И вижу обступившее меня со всех сторон РАДИО. Такое знакомое, такое разговорчивое, такое вездесущее и такое необходимое даже в своей надоедливости.

Это с ним пятьдесят пять лет назад я связал свои надежды, предполагая, что оно не только красивая и заманчивая штука, но и на редкость простое дело. Как я заблуждался!

Высоцкий крах у микрофона

И в прошлом, и теперь часто вспоминаю слова непревзойденного по мощи своего таланта диктора Ольги Сергеевны Высоцкой. Она когда-то тоже рвалась на радио и как, дорвавшись, хотела не вещать по радио, а разговаривать, и как у нее ни черта не получилось. Она рыдала на любом подвернувшемся на пути плече и недоумевала: «Ведь в жизни, дома, на базаре, с друзьями я умею разговаривать, даже не думая о том, что нужно подбирать слова, интонацию, силу или тишину голоса. Как блестяще все это в жизни получается! А тут, у микрофона, на тебе! Крах! За что? Почему?»

И она рыдала до тех пор, пока художественный руководитель дикторской группы, элегантный и умнейший московский актер (потом он погибнет от ножа случайного бандита) Михаил Лебедев не скажет ей: «Оленька! Радио тем и знаменито, что далеко не каждому дает право РАЗГОВАРИВАТЬ по нему. И вообще, чтобы по радио разговаривать, надо сначала научиться умно, ясно, заинтересованно ЧИТАТЬ. Читая! А уж потом, как Бог позволит!»

«Да неужто?» — спросите вы. «Да», — самым твердым образом отвечаю я. Радио — это искусство говорить «как в жизни», только еще лучше. Конечно, можно по радио говорить плохо: то топясь, то еле таща слова; то крича, то еле бормоча; то басовито, то попискивая; то умно, а то почти как debil. Это, как мы знаем по сегодняшней практике, тоже называется радио.

Говорят, что женщина любит ушами... Это как же мужчина должен преуспеть, чтобы разговором обаять единственную слушательницу! И как должно было потрудиться радио, чтобы его полюбили слушающие миллионы и миллионы! И получилось, что радио — это искусство проникать через уши к дремлющим до поры до времени чувствам слушателя. Более того, радио — искусство (и в этом его уникальная особенность!), помогающее слушателю

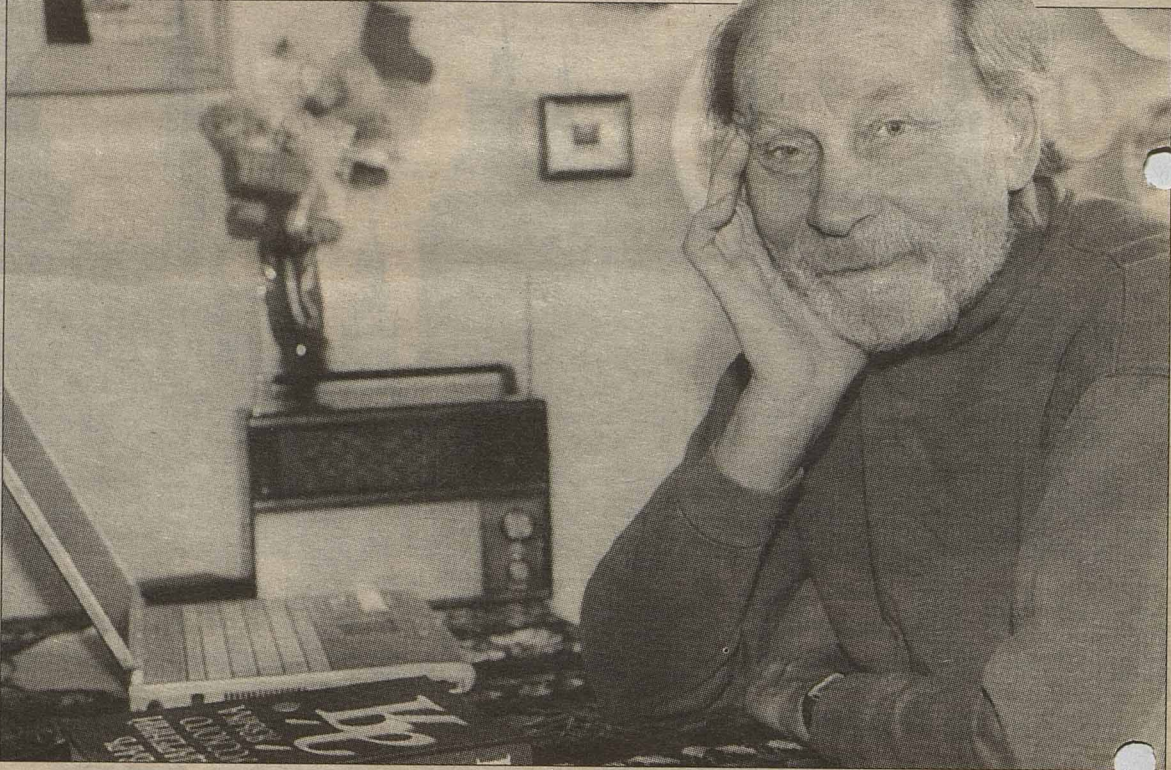
Валентина Сперантова

становиться истинным творцом. В самом деле: слушатель не видит Дездемону или Григория Мелехова. У слушателя, может быть, давно в уме сложился свой образ этих литературных героев. Но если актриса или актер нашли единственно верные краски в своем голосе, то мы тут же сами дорисуем облик и подробный характер говорящих с нами радиогероев.

Слышите, как наклонился Том Сойер?

Кто-то сказал, что голос — это второе лицо. Радио наверняка знало об

Россия - 2003 - 21 авг - с. 10

Виктор Смирнов

Она рыдала на любом

подвернувшемся

плече и недоумевала:

«Ведь в жизни, дома, на базаре, с друзьями я

умею разговаривать,

даже не думая о том,

что нужно подбирать

слова, интонацию...

Как блестяще все это

в жизни получается!

А тут, у микрофона,

на тебе! Крах! За что?

Почему?»

этом и ухватилось за эту мысль, а потом неуклонно держалось этой путеводной нити в лучших образцах своего творчества. Именно поэтому в эфире появлялись бесчисленные, ошеломляющие своим разнообразием и предельной достоверностью герои величайшей радиоактрисы Валентины Сперантовой.

Вот она, маленькая, полненькая, седая и очень немолодая, идет по коридору Радиодомы. Вот она присела со мной поболтать, посплетничать о театральных кознях. Женщина как женщина. И пусть мои глаза хоть сто раз лопнут от нетерпения разглядеть в ней Принца или Нищего, Тома Сойера или Мишку Квакина, ничего в коридоре за беседой в актрисе я не разгляжу. И уши мои могут сто раз опухнуть, желая уловить тонкость Принца и хулиганскую натуру Квакина. Все равно ничего не уловят, кроме голоса пожилой женщины, беседующей по-свойски с молодым журналистом, которого она почему-то не гонит от себя, а еще и интересуется здоровьем его двух маленьких дочерей.

Но вот она подошла вместе с другими актерами (старыми, толстыми, лысыми) к студийному микрофону, и зазвенел такой хулиганский, разнообразный и чувственно безупречно точный голос мальчишки, что прошлые мои выпученные глаза — сущий пустяк по сравнению с теперешними, обезумевшими от восторга глазами и ушами! Никакой Сперантовой! Передо мной Том Сойер, будь я проклят на веки вечные! Как он, Том, вселился в седую, простите меня, Валентина Александровна, старуху? Что это происходит в Радиодоме, люди добрые?! А происхо-

Ольга Высоцкая

дит великое радиоискусство. Нет старухи с ее сединой и нет Радиодомы. Есть разбитной изобретательный Том, непревзойденно поющий песню на тему «Что такое детство, джентльмены?». Лучшего Тома больше на радио никто не придумает, можете смело давать свою главу на отсечение! Мало того, что я его слышу, но я его даже вижу. «Ну-ка, ну-ка, что это там валяется?» — спрашивает Том, а потом так сопит, так дышит, так удивленно подмурлыкивает, что я ВИЖУ, как он наклоняется, как все ниже сгибается, чтобы рассмотреть — а что же это тут валяется, джентльмены?!

Одно не может быть плохим

Вот что такое радио, если его превращают в искусство, покоряющее из десятилетия в десятилетие сотни миллионов слушателей. И при этом ЧЕМ покоряется? Гримом? Декорациями? Костюмами? Светом? Компьютерными штучками-дрючками? Операторским мастерством? Шиш вам! ТОЛЬКО ГОЛОСОМ!!! Голосом, собравшим собой безмерное количество интонаций, бьющих наповал своим точным соответствием интонациям, которые нам с детства знакомы по ходу жизни и которыми у микрофона владеют редкие единицы. Михаил Ульянов ставит радиоискусство (и по своей трудности, и по творческому, художественному результату) выше искусства театра и телевидения. Его мнению можно верить, как веришь всем почти пятистам героям «Тихого Дона», прочитанным (сыгранным? прожитым? выстраданным?) Ульяновым по радио.

А Ольга Высоцкая? Она же была диктором. Ей-то в ее «Последних известиях» зачем элементы искусства понадобились?

Ольга Высоцкая научилась изумительно читать. Читала так, что ей писали: «Вы, родная, будто с нами за одним столом сидите и разговариваете». А один семилетний мальчик-сирота, страдающий от одиночества, написал: «Тетя, я тебя люблю, потому что ты не как из ящика, а говоришь со мной».

Как это получилось? Радио — коварная штука. Всяк, кто необдуманно, с разбега приходит на радио «поговорить», с ужасом убеждается, что абсолютно не умеет этого делать. И начинается не интуитивное, а осмысленное овладение интонациями искреннего разговора. Начинается долгое уничтожение в своей психике разных тормозов, о существовании которых и не подозревал. Но если их устранишь, то и вступишь в дивное царство радиоискусства.

О радио можно говорить долго. Оно — бессмертно. И хорошим оно было не потому, что было в прошлом, а потому что было одно. А одно не имеет права быть плохим.